

Дядя Кесарь и тётя Рая

Светлана Лютова

Старший брат моей бабушки, Кесарь Борисович Марков, родился в 1910 году, вторым сыном в семье. Умер в Москве в 1961-м, – за несколько лет до моего рождения, так что никаких личных воспоминаний у меня о нём нет. Все обращали внимание на редкое имя, а родственники шутили: «На всём белом свете – только два Кесаря: Марков да Ломоносов, двоюродные братья!».

Кесарь был одарённым: хорошо рисовал (у нас хранится цветной карандашный портрет девочки на руках у отца, – детский портрет моей матери, нарисованный её дядей), легко и охотно учился, как и сестра его, моя бабушка.

Самый яркий, являющий доброту дяди Кесаря, эпизод его детства «остался в веках»: чтобы выжить в Гражданскую большой семье, мать стала вязать «на продажу» и ходить по деревням, выменивая вязаные кофты на калачи. Удалось сделать запас. Но, возвращаясь однажды домой, Ксения Петровна заметила толпу мальчишек. Посреди толпы восседал её 9-летний Кесарь, царственно «преломляя хлебы»:

– По целому калачу уже не хватит, теперь буду раздавать по половине!

Таким же щедрым дядя Кесарь оставался всю жизнь.

В 1930-х годах, после свадьбы, он переехал из родительского дома к жене, однокурснице по техническому вузу, которая оказалась одной из дочерей И.А. Лычёва¹.

Раиса Ивановна, «тётя Рая»... Хочу кинуть взгляд на неё, детских глаз взгляд, своих и маминых...

¹ Из БСЭ: «Лычев Иван Акимович [родился 30.5(11.6). 1881, село Обшаровка, ныне Куйбышевской области, — 16.11.1972, Москва], участник революционного движения в России, советский партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1904. Родился в семье крестьянина. Работал в Астрахани и Самаре кочегаром, помощником машиниста. С 1902 служил на Черноморском флоте. В 1905 участник восстания на броненосце "Потемкин", член судового комитета. В 1907—17 в эмиграции в Румынии, Канаде, США; участвовал в рабочем движении. В ноябре 1917 вернулся в Россию. В 1918—23 председатель ревкомов Самарского и Пугачевского уездов, заместитель председателя Самарского губисполкома, председатель губсоюза потребительских обществ. В 1923—25 секретарь Самарского губкома партии. С 1929 генеральный консул СССР в Великобритании. В 1932—35 председатель ЦКК и нарком РКИ Белоруссии. С 1935 управляющий делами ЦК ВКП (б). С 1938 на хозяйственной работе. Делегат 11, 13, 16, 17-го съездов партии; на 15-м съезде избирался членом ЦКК, на 17-м — членом КПК ВКП (б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1948 персональный пенсионер. Автор воспоминаний "Потёмкинцы", 1935, 3 издание, 1965. Награжден 3 орденами, а также медалями. Похоронен в Одессе».

Мой прадед Борис Петрович Марков до самой своей смерти, после подписи и числа, неизменно указывал в письмах: «Село Черкизово». На исходе были сороковые, начинались 1950-е годы. Хоть Сокольники и Преображенка давно уже стали Москвой, место, где семья обосновалась, по-прежнему походило на «большую деревню». Поэтому так запомнились «деревенской девочке» моей маме эпизоды «столичной роскоши»: поездки в гости к тётке Лиде в Б. Гнездиновский (переулок от Тверской) и приезды к ним в Черкизово семейства дяди Кесаря (семейства Лычёвых, точнее) НА АВТО, что вызывало в округе фурор!

Почти десять лет, проведённые Иваном Акимовичем в североамериканской эмиграции, превратили кочегара-потёмкинца в Джона, как манерно звала его русская, но каким-то образом из Штатов же им привезённая жена. К дочерям этой четы в СССР всю жизнь возникали вопросы, поскольку местом рождения значились в их документах Соединённые Штаты Америки.

В развитие автомобильной темы надо вспомнить другую дочь И.А. Лычёва, одну из сестёр тётки Раи. Она имела весьма необычную для москвичек 30-40-х гг. XX в. профессию: красавица пожелала стать шофёром и служила личным водителем известного советского художника А.А. Дейнеки (видимо, оценившего дерзость профориентации барышни). Всегда, глядя на картину Ю. Пименова «Новая Москва» 1937 г., я думаю: «Не дочь ли потёмкинца стала прототипом девушки за рулём?..»

Все сёстры Лычёвы были хороши собой, но у всех был (в папу?) крутой нрав. Когда после смерти отца обещали вспыхнуть кровопролитные бои наследниц, характер Раисы Ивановны Лычёвой (Марковой) проявился оригинально и во всём величии: она отказалась от своей доли, только б не участвовать в склоках. И потеряла права в том числе на огромную дачу в Загорянке, где вместе с её детьми – Вадимом и Марьяной – проводила лета своего детства и их младшая кузина, моя мама.

Раиса Ивановна прилежно занималась домом, пока К.Б. Марков, крупный инженер, пропадал на работе. По рассказам, однако, она отнюдь не была смиренной домохозяйкой, скорее, властной домоправительницей. И нарушения мужем её воли карались НЕДЕЛЯМИ молчания, от каковой дисциплинарной меры добросердечный Кесарь Борисович особенно страдал.

Сама же тётя Рая умела презирать не только трудности и жизненные невзгоды, но и общественные предрассудки, если таковые шли вразрез с её желаниями. Из-за нагрянувшей вдруг к Раисе большой любви, брак её с Марковым, было, распался, но мир был восстановлен, и Кесарь стал отцом не только сыну, но и приёмной дочери.

Сын Вадим вырос, закончил физфак МГУ, начал преподавать, женился. Однако умение его матери твёрдой рукою вести дом вскоре понадобилось снова: муж Кесарь умер, а внук Раисы Ивановны родился болезненным мальчиком, требовавшим неусыпных забот о его здоровье и воспитании. Их бабка целиком приняла на себя!

Тётю Раю с троюродным братом Димой я впервые запомнила у нас дома, на моём 7-летию. Она была довольно высокой и сухощавой, с красивой улыбкой и яркими тёмными глазами на покрытом сетью мелких морщинок лице. Цвет глаз особенно оттенялся густой проседью в коротко стриженных, вихрастых каких-то, волосах. Манера говорить была жёсткой, движения – резкими, в голосе чудилась хрипотца (курила ли она? не помню).

Дети, гости мои, за столом баловались – закатывали под веки глазки, и тётя Рая в назидание им рассказала страшную историю, как мальчик так же делал, его вдруг что-то напугало, и он так и остался бы с заведёнными глазами, да, к счастью, после сна всё «как рукой сняло» (тогда я и услышала впервые это выражение).

Последний раз я видела тётю Раю, будучи уже студенткой: после нескольких лет перерыва мама случайно встретила её на Ленинском, возле дома Раисы (в который она, кстати, переехала в своё время, поменявшись с тем самым Дейнекой), и взяла с тётки обещание зайти. «Не сдохла ещё, как видишь!» – приветствовала она маму, завидев издали. А обещание зайти вскоре выполнила.

Тётя Рая была всё та же: решительная – в словах, в оценках, в движениях... Видимо, и умереть себе она решила позволить не прежде, чем внук закончит институт. Как решила, так и сделала.